

ГОСПОДИНЪ ЩЕДРИНЪ или РАСКОЛЬ ВЪ НИГИЛИСТАХЪ.

У насъ, въ литературномъ и преимущественно въ журнальномъ мѣрѣ, случаются цѣлыя катастрофы, даже почти романы. Вотъ на примѣръ недавно, очень недавно, случилась странная кутерьма. «Русское слово», органъ неумѣренныхъ нигилистовъ, напалъ на «Современникъ», органъ умѣренныхъ нигилистовъ. Съ горечью попрекнуло «Русское слово» «Современникъ». Изъ этихъ попрековъ усматривается, что «Современникъ» теперь уже не современникъ, а ретроградъ, потому что позволилъ г. Щедрина, своему сотруднику, писать о мальчишкахъ, о какихъ-то «вислоухихъ», о ничего не понимающихъ и все портящихъ, о какомъ-то «Засиживаньи» и наконецъ, о ужасъ! чуть ли не объ эстетикѣ. Ясное дѣло, что «Современникъ» ретроградъ. «И это въ томъ органѣ, гдѣ писали Белинскій и Добролюбовъ!» Ужасъ! ужасъ! такъ что «Современникъ», говорятъ, даже и струсилъ, до того струсилъ, что запретилъ — будто бы г. Щедрина вести дальнѣйшую полемику съ «Русскимъ словомъ» и, такъ сказать, посягнувъ на свободу «пера». Все это не болѣе какъ слухи, но эти слухи темъ болѣе усилились, что въ апрѣльской книгѣ «Современника» г. Щедринъ очевидно стушовывается. Наконецъ пошли слухи еще болѣе потрясающіе: стали говорить, что г. Щедринъ разрубленъ пополамъ г. Зайцевымъ, на двѣ особы половинки... Потомъ пронесся еще одинъ потрясающій слухъ, что въ обѣихъ половинкахъ г. Щедрина пробудилось чувство литературнаго достоинства, что онъ не хочетъ стѣснять и продавать редакціи свое право имѣть и выражать свои убѣжденія, что онъ оставляетъ редакцію, что онъ будто-бы рассорился съ «Современникомъ», что онъ соединяется съ какимъ-то постороннимъ сатирикомъ и ѣдетъ въ Москву издавать тамъ свой собственный сатирическій органъ, что остановка только за тѣмъ, гдѣ достать направленье? а какъ только достанутъ они направленье, то тотчасъ же и уѣдутъ изъ Петербурга въ Москву. И вдругъ, о диво! вышелъ Майской № «Современника» и г. Щедринъ опять тамъ, — правда унылый, немного встревоженный, немного не по себѣ, и ужъ объ «Русскомъ словѣ» ни полслова, ни-ни-ни, но за то все-таки г. Щедринъ въ «Современникѣ». Подписи нетъ, но въ нѣкоторыхъ статейкахъ «Греческій человекъ Трефандосъ» выглядываетъ изъ-за каждой строки, каждая мысль пахнетъ «фиками», какъ же не г. Щедринъ. И такъ что же все это? Что же означали всѣ эти слухи? Выходитъ теперь, что или «Современникъ» рѣшается быть ретроградомъ продолжая удерживать у себя г. Щедрина, или г. Щедринъ раскаялся и далъ редакціи слово быть послушнымъ и больше не баловаться. Одно изъ двухъ непременно было. Дѣйствительно въ послѣднее время г. Щедринъ (и Богъ знаетъ съ чего) вздумалъ выражать въ «Современникѣ» такія убѣжденія, которыя прямо и буквально противорѣчатъ самымъ основнымъ убѣжденіямъ послѣднихъ годовъ «Современника», и не мудрено, что «Русское

слово» даже стыдитъ г. Щедринымъ «Современникъ». Мало того, — «Русское слово» теперь утверждаетъ, что г. Щедринъ выражаетъ вовсе не убѣжденія, а испускаетъ «какую-то жолтую жидкость». Слѣдственно, если г. Щедринъ все еще въ «Современникѣ», то онъ неремѣнно просилъ пардону, иначе какъ же бы могъ онъ остаться. Вѣдь не можетъ же быть, чтобъ «Современникъ» дѣйствительно захотѣлъ противорѣчить всему тому, о чемъ проповѣдовалъ въ послѣдніе годы, и, по ихъ понятіямъ, — «сретроградничать»? Или можетъ быть, просто за просто «Современникъ», утративъ всѣхъ своихъ главныхъ сотрудниковъ, самъ теперь не вѣдаетъ, что творить? И это вѣроятно. Во всякомъ случаѣ все это очень интересно. Чтобъ разрѣшить какъ-нибудь этотъ «вопросъ», надо бы по-настоящему бросить серьезный взглядъ на весь ансамбль этой повѣсти и, изъ любви къ русской литературѣ, прослѣдить все сначала. Но признаемся, несмотря на всю нашу привязанность къ русской литературѣ, мы бы никакъ не рѣшались на такой скучный подвигъ, какъ вдругъ въ нашъ «портфель редакціи» поступила одна рукопись, — романъ, въ которомъ какъ нарочно изображено нѣчто аналогическое... Эти «современные» романы ужасно распространяются. Поступившая рукопись — произведеніе одного начинающаго пера, очевидно имѣющее иносказательный смыслъ. «Страшимся сказать, но думаемъ что молодой романистъ въ своемъ произведеніи имѣлъ въ виду едва ли не «Современникъ» — журналъ, въ который по-видимому, перешли всѣ «Трефандосы и Фики» г. Щедрина изъ «Губернскихъ очерковъ». Вотъ нѣсколько главъ изъ этого новаго «Опыта о новыхъ Хлыщахъ».

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА ЩЕДРОДАРОВЪ

I.

Щедродаровъ вступаетъ въ журналъ «Своевременный» въ качество соредактора.

И такъ Щедродарова взяли и сдѣлали соредакторомъ «Своевременнаго». Произошло это назадъ тому года полтора. Щедродаровъ еще гулялъ на волѣ и безопасно наслаждался жизнію, но въ «Современномъ» произошли безпорядки. Старые, капитальные сотрудники исчезли: Правдолюбовъ скончался; остальные не оказались въ наличности. Редакція и ближайшіе сотрудники тотчасъ же собрались для разсужденій. Можетъ быть даже они усѣлись при этомъ въ кружокъ на стульяхъ, но во избѣжаніе личностей не будемъ упоминать о такихъ пустякахъ.

— Наше дѣло плохо, началъ одинъ изъ редакторовъ. Вы знаете, господа, что Правдолюбовъ скончался, что другіе...

— Еще бы не знать, отвѣчали хоромъ.

— Къ дѣлу! Мы остались одни. Этого мало. Къ тому же мало изъ насъ литераторовъ. На первый случай, разумѣется мы станемъ зады твердить...

— Зады твердить! Зады твердить! раздалось опять хоромъ.

— ...Но задовъ хватитъ ненадолго. Жизнь идетъ. Являются новые вопросы, новые факты. Объ нихъ нужно будетъ говорить и вамъ; а безъ прежнихъ главныхъ сотрудниковъ мы можемъ дать маху. Что дѣлать?

— Впервыхъ напечатать романъ «Что дѣлать!» отвѣчали сотрудники.

— Это само собой, но далѣе?

— А далѣе я придумалъ очень хорошую вещь, рѣшилъ одинъ изъ компаніи. — Когда насъ ктонибудь припретъ къ стѣнѣ, и вообще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда потребуется дать мнѣніе точное и положительное, мы тотчасъ же объявимъ, что все объяснится, «когда наступятъ новые экономическіе отношенія»; затѣмъ нѣсколько точекъ и дѣло въ шляпѣ. Этого хватитъ года на полтора, даже на два.

— Гм! Милая идея, тѣмъ болѣе что ее можно употреблять рѣшительно во всякомъ случаѣ. Я васъ спрашиваю: что не зависитъ отъ экономическихъ отношеній? Такимъ образомъ самая банальная идея приметъ видъ какъ будто настоящей идеи. И даже чѣмъ чаще ее повторять, тѣмъ больше она въ глазахъ неучей получить значенія, и тѣмъ самымъ избавить насъ отъ обязанности дѣлать дѣло. Но мнѣ кажется, что и это мало...

— Мало, мало!..

— Видите ли, господа, въ нашемъ журнальномъ дѣлѣ кто сидитъ и молчитъ, не огрызается и самъ не нападаетъ, тотъ всегда кажется большинству подписчиковъ и не силенъ и не уменъ, хотя бы онъ пресовѣстливо занимался дѣломъ и понималъ дѣло лучше, чѣмъ всякій другой. Кто же нападаетъ первый, лаетъ и кусается; кто нагло и нахально не отвѣчаетъ на самые точные запросы, а прямо плюетъ на нихъ, свиститъ, каррикурируетъ и бросается самъ всѣхъ ругать, хотя бы и безъ разбора, тотъ въ глазахъ рутины и большинства всегда кажется сильнымъ и себѣ на умѣ. Такъ поступимъ и мы, тѣмъ болѣе что мы очень часто такъ поступали и прежде. И потому намъ теперѣ надо — шавку, шавку, лающую и кусающуюся. Надѣюсь, вы понимаете, господа, что я употребляю слово *шавка* въ самомъ благороднѣйшемъ, въ самомъ высшемъ литературномъ значеніи. Да и чѣмъ шавка хуже какихъ бы то ни было звѣрей или птицъ? Важна тутъ собственно не шавка, а шавочныя свойства ее. Мы только цыкнемъ: «усь-усь!» и пріобрѣтенная нами шавка должна бросать все, срываться съ мѣста, летѣть, впиваться, въ кого ей укажутъ, и теребить до тѣхъ поръ, пока ей не крикнуть: ісі! Разумѣется чѣмъ меньше будетъ у нашей шавки идей, — тѣмъ лучше. Зато у ней должна быть игра, перо, злость, безпримѣрное тщеславіе и... и... говоря литературнымъ языкомъ, — невинность, чтобъ она ни о чемъ не догадывалась. Мнѣ кажется, что г. Щедродаровъ, извѣстный нашъ юмористъ и сатирикъ, еслибъ его пригласить въ составъ редакціи, могъ бы въ этомъ духѣ успѣшно служить намъ постояннымъ сотрудникомъ...

— Такъ, такъ! закричали всѣ, но всталъ опонентъ.

— Я согласенъ, сказалъ онъ, что у Щедродарова своихъ идей нѣтъ и что это довольно значительное преимущество. Согласенъ тоже, что онъ тщеславенъ. Но кромѣ этихъ двухъ его преимуществъ, что въ немъ еще? Ведь у него только «Трефандосы да Фики». Только этимъ и пробавляется!

— Правда, возразили опоненту, но у него игра, у него словечки, онъ вертлявъ, у него совершенно безпредметная и безпричинная злость, злость для злости — нѣчто въ родѣ искусства для искусства. Злость, въ которой онъ и самъ ничего не понимаетъ. А это-то всего драгоцѣннѣе... Стоитъ только направить эту злость, и онъ будетъ кусать все, что ему ни укажутъ, потому что ему только бы кусать. Прочтите, г. опонентъ, о немъ статью г. Скрибова, которая явится черезъ полтора года въ журналъ «Загранич-

ное слово». Тамъ довольно удачно его оцѣнить какъ юмориста и укажутъ на «Трефандосовъ и Фики»¹. Но эти-то недостатки мы и употребимъ въ свою пользу, Трефандосы — пошлость, это извѣстно, но за то они всѣмъ по плечу. Это рутинно, но рутинный успѣхъ хоть и коротокъ, хоть и скоро проходитъ, но за то скоро распространяется, а Щедродаровъ намъ всего-то на два, на три года и нуженъ. Наконецъ еслибъ Щедродаровъ былъ поумнѣе, чтожъ бы мы съ нимъ тогда стали дѣлать? Онъ сталъ бы разсуждать и не слушаться. А главное, и конецъ концовъ, у него, сколько я вижу по его сочиненіямъ, гражданскаго чувства ни капли. Ему, кромѣ себя, все равно, а слѣдовательно, только польстить его тщеславіе, и онъ на все будетъ согласенъ...

— Польстить, но не очень, раздался одинъ голосъ. Строгость не мѣшаетъ.

— О, конечно; строгость и даже усиленная. Но онъ уже тѣмъ однимъ плѣненъ будетъ, что станетъ членомъ редакціи. И такъ рѣшено или нѣтъ?

— Позвольте, непредвидѣнный случай. А что если онъ наконецъ пойметъ, и въ немъ возбудится чувство литературнаго достоинства?

— Гмъ. Ну это мы еще посмотримъ...

— И наконецъ, какъ вы скажете ему: «ты шавка и, слѣдовательно, лай!» Мнѣ кажется это даже нелитературно.

— О, это вздоръ, на все есть свои словечки. Можно напримѣръ не говорить: «Лайте!» а можно сказать: «Издавайте звуки» или что-нибудь въ этомъ родѣ. Не безпокойтесь, пойметъ, тѣмъ болѣе что ему самому только того и надо... И такъ рѣшено или нѣтъ?

— Рѣшено, рѣшено!

И вотъ такимъ-то образомъ и поступилъ Щедродаровъ въ редакцію «Своевременнаго».

II.

Условія.

Принять былъ Щедродаровъ на чрезвычайно тяжкихъ условіяхъ; но такъ какъ онъ былъ ужасно радъ, то и не замѣтилъ ихъ, бѣдняжка! Даже едва прослушалъ, врядъ ли понялъ. Явился онъ въ редакцію охорашиваясь, и ему тотчасъ же, въ общемъ собраніи, были предложены всѣ эти пункты. Вотъ изъ нихъ нѣкоторые:

¹ Очевидно, молодой романистъ имѣетъ въ виду статью г. Писарева въ «Русскомъ словѣ». Вотъ отрывокъ изъ этой статьи:

Г. Щедринъ самъ того не замѣчая, въ одной изъ глуповскихъ сценъ превосходно охарактеризовалъ типическія особенности своего собственнаго юмора. Играютъ глуповцы въ карты:

— Греческій человѣкъ Трефандосъ! восклицаетъ онъ (пѣхотный командиръ), выходя съ трефъ. Мы всѣ хохочемъ, хотя Трефандосъ этотъ является на сцену аккуратно каждый разъ, какъ мы садимся играть въ карты, а это случается едва ли не всякій вечеръ.

— Фики! продолжаетъ командиръ, выходя съ пиковой масти.

— Ой, да перестань же, пострель! говоритъ генералъ Голубчиковъ, покатываясь со смѣху: вѣдь этакъ и всю игру съ тобой перепутаю.

Не кажется ли вамъ, любезный читатель, послѣ всего, что вы прочитали выше, что г. Щедринъ говоритъ вамъ «Трефандосъ» и «Фики», а вы, подобно генералу Голубчикову, отмахиваетесь руками и покатываясь со смѣху, кричите безсильнымъ голосомъ: «Ой, да перестань же пострель! всю игру перепутаю»... Но неумолимый острожъ не перестаетъ, и вы дѣйствительно путаете игру, т. е. сбиваетесь съ толку и принимаете глуповскаго балагура за русскаго сатирика. Конечно «тайные поросычи амурь», «новая затыкаемость старой непоглощаемости» и особенно «сукинъ сынъ тузь» не чета «греческому человѣку Трефандосу». Остроты г-на Щедрина смелѣе, неожиданнѣе и замысловатѣе шутокъ пехотнаго командира, но за то смѣется надъ остротами г. Щедрина не одинъ глуповскій генералъ Голубчиковъ, и вся наша читающая публика и въ томъ числѣ наша умная, свѣжая и дѣятельная молодежь.

Пунктъ первый. Молодое перо! Знайте, что вы пришли сюда издавать звуки. Городъ «Пуповъ» пора бросить. Всѣ эти «Грефандосы» вздоръ. Вы конечно можете наполнять ими и теперъ нашъ отдѣлъ беллетристики, но тѣмъ не менѣе вы должны стремиться къ другому, высшему идеалу, а именно: популяризировать естественныя науки, излагая ихъ въ видѣ повѣстей и рассказовъ. Это высшая цѣль для всякаго художника и поэта. Но это со временемъ, а покамѣстъ только издавайте звуки. Замѣтьте, я не говорю вамъ: «дайте», потому что это выраженіе нелитературное, а говорю: издавайте эвуки. Надѣюсь, вы понимаете что оно значить?

— Еще бы-съ, отвѣчалъ Щедродаровъ и пріосанился. Членъ редакціи обвелъ все собраніе внушающимъ взглядомъ: «Говорилъ вѣдь, что пойметъ!»

— *Пунктъ второй.* Молодое перо! Отселѣ вы должны усвоить себѣ нашу тактику и слѣдовать ей безусловно: Вы должны почитать, прикрывать и защищать всѣхъ тѣхъ, которые заявляютъ себя прогрессистами. Даже еслибъ они того и не стоили, даже еслибъ они были изъ втораго класса гимназіи, даже еслибъ они на дѣлѣ просто безобразничали; но если только они заявили уже себя передъ публикой хотя бы только четырьмя прогрессивными строчками или два года сряду пробавлялись какими нибудь двумя, хоть такими, напимѣръ, стишонками:

Вѣкъ и Вѣкъ и Левъ Камбекъ,
Левъ Камбекъ и Вѣкъ и Вѣкъ,

то знайте, что они для васъ священны. И если бъ даже они изъ мѣры-вонъ забезобразничались или заврались — все равно вы должны, если ужъ нельзя ихъ хвалить, то просто молчать о нихъ и отнюдь не издавать на нихъ звуковъ. Если кто нибудь изъ нихъ напишетъ въ стихахъ или прозѣ о «Гражданской Слезѣ» и заявитъ объ этомъ публично, то такой уже долженъ быть, для васъ во всякомъ случаѣ, неприкосновенъ. И хотя бы такой передъ вами явился даже...

— Даже въ пьяномъ видѣ, перебилъ Щедродаровъ съ юморомъ, такъ и ожидая, что вотъ всѣ покатятся со смѣху, какъ отъ «фиговъ» и тотчасъ же похвалятъ его за веселость. Но онъ рассчитывалъ безъ хозяина. Это былъ народъ угрюмый, котораго не проймешь юмористикой. Прерванный ораторъ нахмурился и внятно, раздѣльно и строго произнесъ:

— Да-же въ пѣя-номъ ви-дѣ-съ.

Щедродаровъ струсилъ.

Пунктъ третій. Молодое перо! Вамъ предстоитъ участвовать въ отдѣлѣ критики; и такъ внушите себѣ за правило, что яблоко натуральное лучше яблока нарисованнаго, тѣмъ болѣе что яблоко натуральное можно съѣсть, а яблоко нарисованное нельзя съѣсть. Слѣдственно искусство вздоръ, роскошь и можетъ служить только для забавы дѣтей. Эта громадная въ простотѣ своей «новая идея» должна замѣнить вамъ отселѣ всѣ курсы эстетики и сразу поставить васъ на надлежащую точку при оцѣнкѣ всѣхъ, такъ называемыхъ, «художественныхъ произведеній». Поняли? Но Щедродаровъ до того подобрѣлъ отъ радости, а съ другой стороны, до того началъ трусить, что не посмѣлъ ничего сказать противъ даже того: что во 1-хъ, яблоко натуральное и яблоко нарисованное, два совершенно разнородные предмета, которые никоимъ образомъ нельзя сравнивать; а во 2-хъ, что положимъ яблоко натуральное ѣдятъ, но

яблоко нарисованное для того именно и нарисовано, чтобъ на него *смотреть*, а не ѣсть. Что нельзя же въ самомъ дѣлѣ всего съѣсть, что ни есть на свѣтѣ, и нельзя же ограничить полезность предметовъ и произведеній одною съѣдобностью. Но Щедродаровъ смолчалъ по причинамъ вышеизложеннымъ.

Пунктъ четвертый. Молодое перо! Отселѣ вы должны себѣ взять за правило, что сапоги во всякомъ случаѣ лучше Пушкина, потомучто безъ Пушкина очень можно обойтись, а безъ сапоговъ никакъ нельзя обойтись, а слѣдственно Пушкинъ — роскошь и вздоръ. Поняли?

Но Щедродаровъ онять смолчалъ. Онъ не рѣшился даже справиться, какъ смотрѣть на Пушкина напимѣрь хоть тѣмъ, у которыхъ уже есть сапоги?

— Равномѣрно вздоръ и Гомеръ, Александръ Дюма, и всѣ прочіе, потомучто у Гомера бездна предразсудковъ, есть привидѣнія и онъ вѣритъ въ чудеса и боговъ, а слѣдственно можетъ заразить этими предразсудками юношество; такъ что просвѣщенный Курочкинъ, уничтожающій предразсудки, несравненно и во всякомъ случаѣ выше непросвѣщенного Гомера. Островскаго можно печатать единственно потому, что онъ обличилъ московскихъ купцовъ; другаго же достоинства въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго; развѣ то, что онъ *имя*, а потому и можно еще напечатать «Минина», но единственно въ подписные мѣсяцы.

Вздоръ и роскошь даже самъ Шекспиръ, потому что у этого даже вѣдьмы являются, а вѣдьмы — уже послѣдняя степень ретроградства и особенно вредны для русскаго юношества, которое и безъ Шекспира заражается вѣдьмами еще отъ нянекъ. Но замѣьте себѣ, молодое перо! О Шекспирѣ можно и погодить, а слѣдственно и не издавать звуковъ, единственно потому что, (и чортъ знаетъ зачѣмъ!) вздумалось похвалить его Бюхнеру, въ «Stoff und Kraft», а такъ какъ надобно стоять за всѣхъ прогрессистовъ, а тѣмъ паче за Бюхнера, то Шекспира можно и пощадить, конечно до времени.

Но все это такъ ничтожно, прибавилъ ораторъ, что я не дѣлаю объ этомъ особаго пункта, а причисляю прямо къ четвертому, то есть къ пункту о сапогахъ и о Пушкинѣ.

Пунктъ пятой. Молодое перо! Вамъ укажутъ пять «умныхъ книжекъ», которыя вы непременно должны прочесть, чтобъ намъ уподобиться. Этакъ черезъ полгода вы непременно должны будете сдать экзамень въ прочитанномъ, въ присутствіи всѣхъ членовъ редакціи и главнѣйшихъ сотрудниковъ.

Пунктъ шестой. Молодое перо! Вамъ надо проникнуться капитальнѣйшею мыслию нашего направленія; а именно: для счастья всего человѣчества, равно какъ и отдѣльно для каждаго человѣка, прежде всего и важнѣе всего должно быть — брюхо, иначе — животъ. Что вы смѣетесь, милостивый государь? Щедродаровъ тотчасъ-же завилалъ и объявилъ, что онъ вовсе не смѣялся.

— Я вспомнилъ-съ только про «пупъ земли», въ который такъ бессмысленно вѣритъ народъ, зараженный пагубными предразсудками-съ, пробормоталъ онъ въ надеждѣ разсмѣшить и такимъ образомъ перемѣнить гнѣвъ на милость. Но опять не удалось.

— «Пупъ земли!» Милостивый государь! — возвысилъ голосъ ораторъ — и вы смѣете ставить вашъ бессмысленный «пупъ земли» рядомъ съ величайшей экономической идеей нашего времени, рядомъ съ послѣднимъ словомъ реальныхъ и социаль-

ныхъ наукъ! Знайте-же, что брюхо — это все, а все прочее, почти безъ исключенія, — роскошь и даже бесполезная роскошь! Кчему политика, кчему національности, кчему бессмысленныя почвы, кчему искусства, кчему даже наука, — если не сыто брюхо? Набейте животъ и все остальное найдетъ само собою, а если и не найдетъ, такъ опять таки все равно, потому что все остальное роскошь и бесполезность. Муравьи, ничтожныя — муравьи, соединясь для самосохраненія, то есть для брюха, къ стыду людей, умѣли изобрѣсти муравейникъ, т. е. самый высочайшій идеалъ соціального устройства, который только можно представить себѣ. Напротивъ, — что сдѣлали люди? Девять десятыхъ людей на всемъ земномъ шарѣ постоянно ходятъ не сытые! Отчего это? Оттого что люди глупы, не умѣютъ разглядѣть въ чемъ ихъ настоящая выгода, бросаются за погремушками, за какими-то искусствами, за бесполезнымъ, коснѣютъ въ предрасудкахъ, живутъ сами по себѣ на обумъ, по своей волѣ, а не по умнымъ книжкамъ и, такимъ образомъ, бѣдны, разъединены и не умѣютъ ничего предпринять. Но достигните только того, чтобъ всѣ были сыты, т. е. перваго шага, и человѣчество схватитъ луну за рога, если ужъ такъ очень понадобится. Понимаете? — Щедродаровъ хотѣлъ было возразить, что конечно было-бы очень полезно сначала обеспечить себѣ брюхо, а потомъ уже до всего дойти; но что съ такою идеею можно пожалуй тысячу лѣтъ простоять на одной точкѣ желаній и гнѣва, не достигнувъ ни малѣйшаго практическаго результата, а напротивъ просмотрѣвъ жизнь и все перепортивъ. Хотѣлъ онъ тоже прибавить, что можетъ быть это вовсе не такъ легко, какъ кажется, и что можетъ быть схватить луну за рога гораздо легче, чѣмъ предварительнымъ и преднамѣреннымъ параличемъ всѣхъ остальныхъ способностей человѣка достигнуть повсемѣстно сытаго брюха; но Щедродаровъ былъ уже такъ утомленъ и испуганъ, а сверхъ того, онъ былъ такъ мало устроенъ для подобныхъ отвѣтовъ, что смиренно молчалъ, въ надеждѣ, что тотъ скоро кончитъ.

— И потому, продолжалъ ораторъ, если на случай придется вамъ писать на примѣръ политическую статью, положимъ хоть о славянскомъ вопросѣ, то вы прямо напишете, что «День» пореть вздоръ. Что стоны славянъ и желаніе ихъ освободиться отъ австрійцевъ и турокъ, тоже вздоръ. Что такія желанія — роскошь и даже непозволительная; что славянамъ совершенно должно быть все равно: сами-ль они по себѣ аль подъ австрійцами и подъ турками, потому именно, что прежде всего имъ надо думать о брюхѣ, а потомъ развѣ уже прогнать и турокъ; но не иначе какъ въ видѣ роскоши. Понимаете?

Равномѣрно, если человѣкъ скажетъ вамъ: Я хочу мыслить, я мучусь неразрѣшонными вѣковѣчными вопросами; я хочу любить, я тоскую потому во что вѣрить, я ищу нравственнаго идеала, я люблю искусство, или что-нибудь въ этомъ родѣ, — отвѣчайте ему немедленно, рѣшительно и смѣло, что все это вздоръ, метафизика, что все это роскошь, дѣтскія грезы, ненужности; что прежде всего надо — брюхо; и что наконецъ, если ужъ очень у этого человѣка зачесется, то порекомендуйте ему взять ножницы и обстричь себѣ зачесавшееся мѣсто. Танцовать хочу — ноги стриги; рисовать хочу — руки стриги. Тоскую, мечтать хочу, — голову прочь. Брюхо, брюхо и одно брюхо, — вотъ, милостивый государь, великое убѣжденіе! Понимаете-ли, молодое перо?

Молодое перо хотѣло было замѣтить, что если обстричь все остальное, такъ вѣдь оставшееся одно брюхо будетъ пожалуй и мертвое. Но онъ этого не замѣтилъ,

потому что не могъ замѣтить, а не могъ потому, что голова его вовсе не такъ была устроена, чтобъ объ этомъ думать. И потому онъ только хлопалъ глазами и ужасно скучалъ.

— Я по лицу вашему вижу, что вы не совсѣмъ меня поняли, замѣтилъ ораторъ. Все еще ветрѣны; прочтете пять умныхъ книжекъ, сдадите экзаменъ, и тогда — посмотримъ.

— У меня еще нѣтъ своихъ мыслей, смиренно поддакнулъ Щедродаровъ.

— Знаемъ. Но у васъ игра, у васъ перо; и если пять умныхъ книжекъ вамъ пойдутъ впрокъ, то вы будете издавать хорошіе звуки. Мы на васъ надѣмся. А городъ «Пуповъ» надо непремѣнно бросить. «Трефандосы и фики» — вздоръ-съ...

Щедродарова покорило. Вѣдь и онъ былъ самолюбивъ.

— У меня не одни «трефандосы и фики», проговорилъ онъ съ скромною сдержанностію. У меня въ одномъ мѣстѣ есть, что «стряпчій городничему животъ укусилъ».

— Какъ? Неужели! гдѣ-же это? спросилъ съ пріятнымъ удивленіемъ ораторъ.

— Въ такой-то и такой-то повѣсти, отвѣтилъ Щедродаровъ, повеселевъ и охорашиваясь какъ живчикъ.

— Ну... это, конечно, что-нибудь; но вѣдь это еще далеко не все.

— Неужели-съ? а вѣдь я думалъ, что уж и все, — искренно отвѣчалъ Щедродаровъ, ужасно и немедленно подобрѣвъ отъ похвалы.

— То-то и есть, молодой человекъ, напутствовалъ его ораторъ внушительно. — Идите-же; возьмите съ собой выданные вамъ умные книжки и — съ Богомъ, издавайте звуки. Такъ стряпчій городничему... Какъ это у васъ там: животъ укусилъ?

— Животъ-съ.

— Мнѣ именно нравится что животъ. Напоминаетъ нашу теорію, разница въ томъ, что мы хотимъ не укусить животъ, а насытить. Конечно и у васъ проведена въ этомъ новая идея, но это еще не все... И такъ съ Богомъ! Я вижу, вы устали... Идите и издавайте звуки.

III.

Бунтъ Щедродарова.

Щедродаровъ издавалъ звуки почти слишкомъ годъ. И на кого онъ не издавалъ звуковъ! Въ невинномъ усердіи своемъ онъ доходилъ до того, что бросался на людей безъ причины, ни за что, а такъ, чтобы исполнить долгъ юмористики. Иногда его хвалили и гладили по головкѣ. Въ «Своевременномъ» чувствовали, что онъ можетъ приносить своего рода плодъ; рутинные читатели, которые готовы смѣяться даже сто разъ сряду повторяемымъ «фикамъ» (а таковыхъ огромное число) были удовлетворены. Чего же болѣе? Къ тому-же Щедродаровъ, между дѣйствительно талантливыми вещами, могъ писать иногда по цѣлымъ листамъ юмористики, въ которыхъ ни редакція, ни читатели, ни самъ онъ не понимали ни шиша, но въ которыхъ какъ будто намекалось на что-то такое таинственное, умное и себѣ на умѣ, однимъ словомъ въ духѣ редакціи, такъ что простодушный читатель бывалъ очарованъ и говорилъ про себя: «Вотъ оно что!» Это правда, что у него не было ни малѣйшаго гражданского чувства и потому онъ безъ зазору лаялъ, глумился и срамилъ самыхъ честнѣйшихъ и

толковыхъ людей, на ряду съ паскуднѣйшими: была-бы только юмористика. Въ сущности это былъ поклонникъ искусства для искусства, юмористики для юмористики. Былъ бы только «трефандось», а къ какому онъ относится — все равно.

Но проходило время, онъ читаль и невольнo идеи стали заходить въ неозабоченную до сихъ поръ вопросами его голову. Прочитывая по обязанности то, надъ чѣмъ ему предписано было смѣяться, онъ невольнo просвѣщался и невольнo новый свѣтъ началъ озарять его. Правда не надолго, но мало по малу начало въ немъ пробуждаться что-то въ родѣ сознанія. Не скажу, чтобъ появлялись въ немъ признаки гражданскаго чувства: легкомысліе и оскорбленное постоянно тщеславіе сдѣлали то, что на завтра-же онъ по обязанности «издавалъ звукъ» на то самое, съ чѣмъ сегодня мысленно былъ согласенъ. Вообще въ немъ началось безпокойство. Ему захотѣлось что-то сказать, что-то выразить. — Куда и во что онъ не кидался! Самыя разнородныя, самыя противорѣчащія мнѣнія и даже теоріи сходили съ его пера, и еслибъ публика не принимала всего этого сплошь за «юмористику», то была бы иногда очень удивлена. Что-же касается до редакціи, то она на него надѣялась и подъ конецъ не очень ввязывалась въ издаваніе звуковъ. Она слышала «звуки» и была покойна. Когда-же Щедродаровъ ужъ такъ путался, что самъ терялъ свою голову, то выбѣгалъ передъ публику, и откальвалъ штучку. Публика смѣялась, ему это льстило, и онъ, какъ натура художественная, мигомъ успокоивался. Но счастье не долговѣчно. Не столько новые идеи, которыя отрывками забрели въ его голову, сколько зависть къ фельетонисту Кроличкову въ «Заграничномъ словѣ» возбудили его тщеславіе. Тогда-то онъ и махнулъ въ «Своевременномъ» знаменитыя свои статьи о мальчишкахъ и объ засиживателяхъ новыхъ идей, что прямо противорѣчило второму пункту условій, по которымъ онъ былъ принятъ въ «Своевременномъ.»

Съ яростію восстали Скрибовъ и Кроличковъ и побѣдоносно уличили «Своевременнаго» въ ретротрадствѣ; поднялись трусь и суматоха въ редакціи «Своевременнаго». Редакторы сбѣжались и смотрѣли такъ, какъ будто въ домѣ горить. Тотчасъ-же потребовали Щедродарова. Но тотъ уже приготовился. Онъ вошелъ независимо; на челѣ его блистала эмапсипація; онъ всталъ въ дверяхъ, опершись о косякъ рукою, а глаза скосилъ въ окно, какъ будто совершенно не его дѣло, и смотрѣть не стоитъ. Въ ужасѣ переглянулись между собою редакторы.

IV.

Трагедія въ стаканъ воды.

— Что вы сдѣлали! что вы сдѣлали, несчастный! накинулись на него хоромъ редакція и сотрудники.

— Что я сдѣлалъ? ничего я не сдѣлалъ, — отвѣчалъ Щедродаровъ. «Не испугаешь, дескать, теперъ».

— Какъ ничего! Мы за вами въ послѣднее время не смотрѣли, а вы что тутъ напороли?

— Ничего не напоролъ. Значитъ, у меня теперъ свои мысли явились, вотъ и все.

— Но несчастный, у васъ нѣтъ мыслей, у васъ никогда не было своихъ мыслей. Мы васъ и брали съ тѣмъ, чтобы у васъ не было никакихъ своихъ мыслей, а чтобъ вы только издавали звуки, а вы...

— А вот теперь у меня и явились свои мысли. Que biantre! У «Дня» свои мысли, даже «Голось» увѣряетъ, что у него свои собственныя мысли, почему-же у меня не можетъ быть своихъ мыслей?

— Но, несчастный, это уже другой вопросъ — почему? И откуда, откуда у васъ теперь могли завестись свои мысли? Вы взяли ихъ изъ «Времени»? Смотрите, смотрите, читайте: вотъ «Заграничное слово». Тутъ выписана тирада изъ «Времени» 62-го года противъ мальчишекъ. Слушайте:

«Но мы ненавидимъ пустыхъ, безмозглыхъ «крикуновъ, позорящихъ все, до чего они не «дотронутся, марающихъ иную чистую, честную «идею уже однимъ тѣмъ, что они въ ней «участвуютъ; свистуновъ, свистящихъ изъ «хлѣба и только для того, чтобъ свистать, «выѣзжающихъ верхомъ на чужой, украденной «фразѣ, какъ верхомъ на палочкѣ, и «подхлестывающихъ себя маленькимъ «кнутикомъ рутиннаго либерализма.»

— Слышали? Знайте же, несчастный, что «Заграничное слово» прямо говорить, что вы это взяли изъ «Времени», что у васъ разительное сходство во всемъ, даже въ выраженіяхъ. Слушаете: вотъ ваша юмористика по тому же поводу:

«Но безъ сомнѣнія всего болѣе способствуютъ заблужденію публики нѣкоторые вислоухіе и юродствующіе, которые съ ухарскою развязностію прикомандировываютъ себя къ дѣлу, дѣлаемому молодымъ поколѣніемъ... Однимъ своимъ участіемъ они дѣлаютъ неузнаваемымъ всякое дѣло, до котораго прикасаются, подобно тому, какъ мухи лѣтомъ въ одну минуту засиживаютъ какую угодно вещь, хотя бы самую драгоценную... Нѣтъ мысли, которой наши вислоухіе не обезславили бы, нѣтъ дѣла, котораго они не засидѣли бы».

— Какъ же не изъ Времени? даже выраженія сходныя!

— Ну что-жъ что изъ Времени, отвѣчалъ въ свою очередь пикированный Щедродаровъ. Я дѣйствительно признаюсь, что я эту мысль заимствовалъ изъ Времени, такъ же какъ и много другихъ, потому что это хорошій журналъ, и вы напрасно заставляете меня издавать на него звуки. Но я не король у «Времени», я только сошелся съ нимъ мыслями... Чтожъ, и я могу сходиться мыслями... У меня и выраженія другія. У меня тутъ есть: «засидѣли идею какъ мухи». Это прекрасное словечко и жаль, что вы его не понимаете!

— Но несчастный! вѣдь хорошо бы оно было тогда, когда-бъ вы его за насъ употребили, а вѣдь вы употребляете его противъ насъ; противъ насъ! слышите-ли?

— Да вѣдь я о мальчишкахъ писалъ, а не противъ васъ.

— О мальчишкахъ! да вѣдь это все равно, что на самихъ себя поднять руки! Чему-же васъ учили тогда при приѣмѣ въ редакцію? Не понимаетъ! не понимаетъ! И къ тому-жъ у «Времени» много подписчиковъ, а онъ-то его и поддерживаетъ!

— Да что вы на меня, въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ Щедродаровъ, уже совсѣмъ разсердившись. — И что вы все про «Время» да про «Время»? Повторяю вамъ, это хорошій журналъ, и я много изъ него почерпнулъ! Вы меня заставили смѣяться надъ ними, имъ языкъ выставлять! По вашей милости я напримѣръ смѣялся и надъ «Днемъ». Въ «Днѣ» люди серьезные, тамъ наука, тамъ многолѣтнее, преемственное и честное изслѣдованіе. Они пользы хотятъ. Ихъ никто ни въ чемъ негражданственномъ упрекнуть не можетъ. Ихъ идея все больше и больше въ ходу; она признана даже старинными и отъявленными ихъ врагами. Съ ней можно не соглашаться, но

къ «Дню» нельзя относиться безъ уваженія. А между тѣмъ я, по вашей милости, туда показывалъ шиши да кукиши, ставилъ рядомъ чуть не съ Аскоченскимъ! Вотъ что значить звуки-то издавать!

— Да ктожь вамъ велѣлъ такъ ревностно дѣйствовать? Сами себя значить тешили.

— И что вы напали такъ на меня за мальчишекъ! Да помилуйте, они все засидѣли, все перепортили. «Время» тогда только о плутахъ говорило и справедливо: вѣдь либерализмомъ и прогрессизмомъ они все равно что торговали у насъ въ послѣднее время. Я же объ вислоухихъ упомянулъ. Изъ этихъ хоть есть честные, да все перепортили. Мы бы могли имѣть положительные результаты; гдѣ они? Мы все прогуляли съ вашей системой и съ вислоухими! И что такое «гражданская слеза»? Да вѣдь они только пишутъ что льютъ ее, а мнѣ давай настоящую. Да хоть и настоящую — они и ту засидѣли, и ту засидѣть изловчились. Вѣдь этакъ все можно наконецъ опошлить и засидѣть такъ, что свѣжему человѣку претить начнетъ². Вѣдь мы своихъ-же отъ себя отбиваемъ.

— Гражданская слеза! Да вѣдь это фраза, казенная фраза! Я уважаю того, который дѣйствительно льетъ ее — но моды на гражданскія слезы не стану уважать потому только, что тутъ написано словечко «гражданскія». Да вѣдь послѣ этого явятся когда-нибудь штатскія слезы, партикулярныя слезы, слезы комиссаріатскія, слезы общества заготовленія сухихъ продуктовъ — такъ все это и уважай? Моргенъ-фри, je tantipathe!..

— Что за тонъ! Что у него за тонъ! Боже мой, что онъ говоритъ! прокричали въ ужасѣ сотрудики.

— Чего тонъ никакого нѣтъ тону! а вонъ тамъ у васъ въ «Своевременномъ» напечатано:

«Позади безцвѣтная
«Дней былыхъ равнина,
«Спятъ въ ней безотвѣтныя
«Слезы гражданина...

Такъ вѣдь это на смѣхъ написано! Ну какъ могутъ слезы спать въ равнинѣ! А вы благоговѣте!

Но тутъ уж и членъ редакціи пришолъ въ ярость.

— Какъ, милостивый государь! И вы смѣете! Да вѣдь это слезы гражданина! И какое вамъ дѣло, что онѣ спятъ въ равнинѣ? Ну пусть себѣ спятъ, пусть что угодно дѣлаютъ, но за то это слезы не простые, а гражданина; смотрите, видите: написано: «гражданина». Наши убѣжденія...

— Не вѣрю я теперь вашимъ убѣжденіямъ.

— Наши убѣжденія — брюхо, милостивый государь! наши убѣжденія о брюхѣ! брюхо, брюхо — слышите вы?

² Намъ кажется, что молодой романистъ, доставившій намъ «Щедродарова» не умѣетъ изображать характеровъ. Щедродаровъ изъ 1-й главы не можетъ такъ говорить, какъ онъ теперь говоритъ, это уже не художественно. Впрочемъ, это романъ сатирической, романъ — карикатура, и въ своемъ родѣ все это вѣрно. *Ред.*

— Наплевать мнѣ на ваше брюхо, довольно наслушался! не вѣрю я теперь вашему брюху! насытитъ брюхо цѣною предварительнаго паралича всѣхъ членовъ и всѣхъ способностей организма — нелѣпость! А вы, напротивъ, въ своемъ фанатизмѣ къ брюху дошли до того, что въ свою очередь, всѣ члены и всѣ способности организма, кромѣ брюха, — считаете нелѣпостью. Такъ поступили вы съ искусствомъ, съ нравственнымъ идеаломъ, съ историческимъ ходомъ вещей, со всею жизнію. Гдѣ же практической смыслъ? Вы противъ жизни идете. Не мы должны предписывать законы жизни, а изучать жизнь и изъ самой жизни брать себѣ законы. Вы теоретики!

— Да это цѣликомъ изъ «Времени». Онъ его наизусть выдолбилъ!

— Чтожъ, я дѣйствительно многія мѣста изъ «Времени» наизусть заучилъ. Хотя я и издавалъ звуки по поводу «Времени», но я много обязанъ «Времени». Я не понимаю, какъ можно стоять на воздухѣ, не чувствуя подъ собой почвы. Англичанинъ, нѣмецъ, французъ, каждый особо тѣмъ и сильны, что стоять каждый на своей собственной почвѣ, и что прежде всего они англичане, французы и нѣмцы, а не отвлеченные общечеловѣки. Прежде чѣмъ чтонибудь сдѣлать, нужно самимъ чѣмъ-нибудь сдѣлаться, воплотиться, самимъ собою стать. Тогда только вы и можете сказать свое слово, представить свою собственную форму міровоззрѣнія. А вы отвлеченные, вы тѣни, вы — ничего. Изъ ничего ничего и не будетъ. Вы чужіе идеи. Вы — сонъ. Вы не на почвѣ стоите, а на воздухѣ. Изъ-подъ васъ просвѣчиваетъ...

— Такъ чешетъ, такъ и чешетъ!

— Ну да, такъ и чешетъ! Я вотъ и самъ разъ десять написалъ: «когда настанутъ новыя экономическія отношенія», да что въ томъ толку! Самому смѣшно становилось. Когда они настанутъ, какъ настанутъ? Съ неба что-ль упадутъ? Это фраза! На этой фрзѣ можно тысячу лѣтъ просидѣть, а дѣла ровно никакого не будетъ...

— Онъ вольлодумецъ! закричали всѣ, окружая Щедродарова. Какъ вы смѣете!

— Нѣтъ-съ, я только перепеченный нигилистъ и хотѣлъ дѣйствительно быть полезнымъ. Я хотѣлъ, чтобъ и у меня были свои мысли, а вы и не замѣчали моихъ усилій. Я вонъ въ февралѣ мѣсяцѣ нарочно въ деревню ѣздилъ за своими мыслями (прочтите мой талантливый февральскій фельетонъ въ «Своевременномъ». Я тамъ увидѣлъ мужика и очень удивился, что онъ бѣденъ. Я и прежде видалъ мужика, но я никогда объ немъ не задумывался. Конечно читатели не виноваты, что я это только въ первый разъ увидалъ; но я былъ такъ удивленъ, что принялъ это за «новую идею». Мало того: Я сдѣлалъ «новое экономическое отношеніе»...

— Вы, *вы* сдѣлали «новое экономическое отношеніе»! закричали всѣ въ изумленіи.

— Да-съ, я, я самъ, *moi-même*! Потому что я тоже могу имѣть свои мысли. Я вывелъ, что если вы въ Москвѣ нанимаете извозчика, то не торгуйтесь съ мужикомъ, потому что онъ бѣденъ, и не давайте пятиалтыннаго, если онъ проситъ двугривенный. Напротивъ, дайте ему четвертакъ, если онъ проситъ двугривенный... И это конечно новое экономическое отношеніе и конечно стоитъ всякаго вашего...

Но тутъ раздался такой гомерической хохотъ, что Щедродаровъ совсѣмъ сбился съ толку. Онъ и безъ того былъ взнолнованъ всей этой сценой. Нѣкоторое время онъ въ изумленіи оглядывалъ хохочущихъ сотрудниковъ; но потомъ вдругъ закрылъ глаза руками и зарыдалъ, какъ маленькое дитя...

Вотъ нѣсколько главъ. Далѣе не хотимъ печатать. Мы полагаемъ, что это не художественное произведеніе, что это: романъ-карикатура. Всякая карикатура какъ извѣстно заключаетъ въ себѣ преувеличеніе смѣшной стороны дѣла; но въ то же время заключаетъ въ себѣ и нѣкоторое справедливое основаніе. Опять таки «страшимся сказать», но намъ дѣйствительно кажется, что нашъ романистъ имѣлъ въ виду чуть ли не «Современникъ». Есть нѣкоторое сходство, на примѣръ хоть въ главѣ «объ условіяхъ». Разумѣется, они можетъ быть не такъ нелѣпо происходили какъ здѣсь описано, но — на все есть свои словечки и формы... Что же касается до главы о суматохѣ въ редакціи, до «трагедіи въ стаканѣ воды», какъ обозначено у романиста, то право не знаемъ, есть-ли тутъ вѣрное основаніе. Въ справедливости всѣхъ этихъ слуховъ (подавшихъ мысль романисту), мы (повторяемъ это еще разъ) основываемся на томъ полномъ убѣжденіи нашемъ, что г. Щедринъ въ послѣднее время сильно противорѣчилъ въ своихъ послѣднихъ статьяхъ духу и направленію «Современника». А если такъ, то конечно основаніе слухамъ значительное. Одно изъ двухъ: или «Современникъ» мѣняетъ свои убѣжденія, или г. Щедринъ далъ слово раскаяться. Но что объ этомъ! Нечего плакать заране. Природа устраиваетъ все къ лучшему.

Нашъ романистъ изображаетъ можетъ быть ужъ слишкомъ яркими красками легкомысліе г. Щедрина. Но припоминая все случившееся дѣйствительно и даже до насъ коснувшееся, не можемъ не признаться, что основанія нашего романиста нѣсколько справедливы. Не утверждаемъ, что г. Щедринъ дѣйствительно заучивалъ наизусть тирады изъ «Времени» и ими пользовался, какъ для своихъ сочиненій, такъ и въ практической жизни. Намъ кажется это даже нѣкоторымъ преувеличеніемъ. Но однакожь не мы первые засвидѣтельствовали о томъ, что г. Щедринъ заимствовалъ изъ «Времени» тираду о «подхлестывающихъ себя кнутикомъ рутиннаго либерализма» (фраза кудреватая, соглашаемся въ этомъ безъ спору, хотя вовсе не отступаемся отъ нея). Это засвидѣтельствовало «Русское слово» — органъ, намъ противоположный и насъ нежалующій. Припоминаемъ еще, что въ самомъ началѣ поприща г-на Щедрина въ «Современникѣ» въ качествѣ соредактора, когда онъ явился тогда юмористически въ фельетонѣ, играя, шая и заигрывая, ему дѣйствительно случилось сдѣлать противъ насъ выходку, вполне легкомысленную, если только можно ограничиться однимъ только этимъ прилагательнымъ. А именно: чтобы (по мнѣнію его) уронить вполне нашъ тогдашній журналъ въ глазахъ публики, и вполне выразить къ нему свое презреніе, г. Щедринъ объявилъ печатно въ «Современникѣ», что если онъ помѣщалъ у насъ прежде статьи, то единственно потому что «Современникъ» тогда приостановился на нѣсколько мѣсяцевъ, а литератору не всегда выгодно ждать нѣсколько мѣсяцевъ; слѣдовательно, г. Щедринъ только *по необходимости* принужденъ былъ у насъ печататься. Мы немедленно его уличили. Мы доказали ему цифрами, что въ то самое время, когда онъ отдалъ въ редакцію нашего журнала свою статью, — «Современникъ» еще издавался; мало того: ни «Современнику», ни г. Щедрина, ни кому бы то нибыло на свѣтѣ никоимъ образомъ не могло тогда придти въ голову, что «Современникъ» приостановитъ свое изданіе. А слѣдовательно еслибъ г. Щедринъ дѣйствительно тогда-же (т. е. до вступленія своего въ «Современникъ» въ качествѣ соредактора) питалъ такое ужасное отвращеніе и пренебреженіе къ нашему

изданію, то для него ничего-бы не было легче какъ отдать свою статью не намъ, а въ «Современникъ». Такимъ образомъ, мы тогда-же уличили г-на Щедрина въ «сознательной неправдѣ». Г-нъ Щедринъ не отвѣчалъ. И что бы могъ онъ возразить противъ цифръ?

Насъ увѣряли, что статья «Литературныя мелочи» въ майскомъ номерѣ «Современника» принадлежитъ г. Щедрину, хотя и нѣтъ подписи. Мы впрочемъ и сами узнаемъ въ этой статьѣ «Молодое перо», — такъ уж мы привыкли къ его игрѣ. Статья эта написана какъ-то печально, въ ней какое-то уныніе, безпокойство; какія-то жалобы. Веселость напускная, выдѣланная, какъ бы для того только, чтобъ исполнить долгъ службы и обязанности. Противъ «Русскаго Слова» въ ней уже нѣтъ почти ничего. Все это отчасти служитъ основаніемъ слухамъ и тоже хоть отчасти оправдываетъ нашего романиста. Кстати въ этой статьѣ есть неблаговидная выходка противъ насъ: Намекается что мы начавъ изданіе «Эпохи», будто-бы измѣнили въ нѣкоторомъ пунктѣ свои убѣжденія. За недостаткомъ мѣста мы не можемъ теперь распространиться объ этомъ и опровергать автора. Но авторъ статьи, помѣщая свое показаніе объ измѣненіи нашихъ убѣжденій, совершенно зналъ напередъ, что мы не будемъ опровергать его. Зналъ онъ это вполнѣ. Это вѣрно и ясно какъ день. Теперь вопросъ: стало быть онъ прикрывался этимъ знаньемъ? А если такъ то чѣмъ же, въ сущности онъ себя обезпечивалъ? Вещь удивительная: до сихъ поръ «Современникъ» не такъ дѣйствовалъ. Прежде онъ не позволилъ бы себѣ такой выходки. Стало быть дѣйствительно онъ измѣнилъ свое направленіе.

Что же касается грусти и унынія, просвѣчивающихъ въ майскомъ фельетонѣ, то вотъ для образчика мѣсто начала, со второй страницы. Это мѣсто даже на насъ навело уныніе.

«Что такое дрянь? Въ просторѣчій слово это прилагается преимущественно и даже исключительно къ явленіямъ міра вещественнаго. Всякое вещество, вслѣдствіе разложенія или принятія въ себя чуждыхъ примѣсей потерявшее свой естественный, здоровый видъ, называется дрянью». Не тронь, батюшка, это «дрянь»! говоритъ заботливая няня своему питомцу, когда онъ, подвижимый любознательностью, хочетъ прикоснуться къ какой-нибудь слякоти или къ чему-нибудь гніющему. Но какъ ни права няня въ своемъ опредѣленіи, оно все таки не исчерпываетъ сущности предмета, о которомъ говорить. Понятіе, заключающееся въ словѣ «дрянь» чрезвычайно обширно и изъ міра вещественнаго очень удобно переносится въ міръ нравственный и умственный. Еслибъ няня знала, что извѣстный ей какой-нибудь Петръ Ивановичъ или Иванъ Петровичъ совершенно такая же «дрянь» какъ и то гніющее вещество, на которое она сейчасъ указывала, то она точно такъ же предостерегла бы своего питомца: не тронь, батюшка, Петра Ивановича: «это дрянь»!...»

Согласитесь сами что все это не совсѣмъ весело. Ну, скажите, въ чемъ тутъ идея: что не одно то дрянь, что валяется на заднемъ дворѣ, а есть и люди дрянь. Но ктожь этого не зналъ? Согласитесь сами, что это можно сказать въ одной строчкѣ. Согласитесь сами, что объ этомъ можно и вовсе не говорить. То-то и есть, господа, тяжела, ухъ тяжела обязанность присяжнаго юмориста. Писать не о чемъ, неприятности, жолчь гонеть пиши, вертись, какъ не бывало, — нѣтъ пиши, вертись, какъ бѣсь передъ заутреней, переливай изъ пустаго въ порожнее, подавай на грошъ юмори-

стики, — ну и натуживается юмористъ и прудить на цѣлой страницѣ, что можно сказать въ двухъ словахъ. Каторжная должность!

Конечно и въ этомъ отрывкѣ не безъ юмора. Слышите: «но какъ ни права няня въ своемъ опредѣленіи, она все таки не исчерпываетъ «сущности предмета»... Слышите, слышите! Нянька глупая, безмозглая баба, которая двухъ сложить не умѣетъ, и про нее вдругъ говорятъ, что она неисчерпываетъ предмета, точно про ученаго профессора! Тонкій, тонкій сатирикъ г. Щедринъ и великій бичеватель нашихъ общественныхъ язвъ! Говорите же послѣ того, что у него только сто разъ повторенные «фики».

И однакожь все таки это не то. Не то, что прежде, не то... Иногда авторъ даже хочетъ развеселиться и вдругъ тайная грусть невольна влечетъ его къ унылымъ думамъ; онъ не выдерживаетъ и жалуется горько, отчаянно жалуется. Вотъ напримѣръ:

«Точно то же слѣдуетъ сказать о вещахъ. Есть положенія злыя, есть положенія глупыя и есть положенія просто дрянныя. Злыя и глупыя положенія всегда имѣютъ сзади себя нѣкоторую систему, которая ихъ объясняетъ и «въ то же время дѣлаетъ возможнымъ противодѣйствіе. Напротивъ того, дрянныя положенія отличаются совершеннымъ отсутствіемъ системы, поэтому-то они живучѣе и злыхъ и глупыхъ положеній, это тѣ самыя положенія, которыми никто не доволенъ, но которыя терпѣливо выносятъ изъ опасенія попасть или въ глупое, или въ злое положеніе. И тутъ имѣется своего рода хвостъ и уши, которые на первый взглядъ плѣniająть, но, разумѣется, что здѣсь обаяніе имѣетъ смыслъ еще болѣе вредный. Если мы временно обольщаемся дряннымъ человѣкомъ, то это не налагаетъ на насъ никакихъ обязательствъ, кромѣ одного: отвернуться отъ такого человѣка, какъ только мы убѣдимся, что онъ дрянъ; но когда мы обольщаемся дряннымъ положеніемъ, то хотя бы это обольщеніе было и временное, но послѣдствія его будутъ гораздо ощутительнѣе, потому что связь съ положеніемъ захватываетъ человѣка гораздо глубже и разностороннѣе и, слѣдовательно дѣйствуетъ на него несравненно растлительнѣе, нежели связь съ изолированной дрянною личностью.

Да-съ, надо слишкомъ хорошо узнать на практикѣ: что такое скверное положеніе, чтобъ такъ ярко умѣть описать его! И смотрите: онъ даже съ любовью рассматриваетъ это положеніе, съ какимъ-то уныніемъ отчаянія. Онъ роется въ дрянномъ положеніи, онъ копается въ немъ, онъ исчерпываетъ его; онъ какъ-бы наслаждается этимъ исчерпываніемъ, нюхаетъ это дрянное положеніе и радъ тому что нюхаетъ, «скверно, такъ пусть же вотъ еще сквернѣй будетъ!» Онъ иронически читаетъ даже себѣ мораль, говоритъ, что надо «терпѣливо выносить такія положенія. И тутъ имѣются своего рода хвостъ и уши, которые на первый взглядъ плѣniająть», говоритъ онъ. Мнѣ кажется что авторъ тутъ далеко зашолъ. Про хвостъ еще не знаемъ какъ сказать; но уши-то кого-жъ плѣнить могутъ? Это уже какой-то скрежетъ зубовой! Мрачно! да, мрачное положеніе описалъ авторъ!

Тутъ впрочемъ много затаенной грусти. Это не шекспировская страстная выходка, когда у него каждый стихъ похожъ на «булатъ, закаленный въ слезахъ влюбленной дѣвушки», какъ выразился одинъ французъ о Шекспирѣ. Нѣтъ, въ сущности это только тихая жалоба, тихое воркованіе молодой горленки, тихая, но бесполезная жалоба сельской дѣвы, которую выдаютъ постылому, на тему Кольцова «Безъ ума безъ разума Меня замужъ выдали»:

Безъ ума безъ разума
Меня «Слову» выдали,
Золотое перушко
Силой укоротали...

Въ самомъ дѣлѣ ну что если нашему сатирику вдругъ скажутъ: Не угодно-ли, дескать, — переложить къ слѣдующему номеру сію Ботанику въ «Губернскіе очерки». Каково это слышать художнику. Ну что тогда дѣлать?

Право не знаемъ. Намъ кажется, что если есть хоть тѣнь вѣроятности въ слухахъ и если дѣйствительно существуетъ посторонній сатирикъ, то отчего-жъ и не отправиться съ нимъ въ Москву и не издавать тамъ свой собственный органъ? Что-же касается до трудности отыскать направленіе, то и это не можетъ служить препятствіемъ. Можно просто издавать журналъ съ тою цѣлью, чтобъ въ каждомъ номерѣ заявлять, что дескать «я — литературное совершенство». Цѣль конечно не высокая, но зато забавная и которая можетъ доставить г. Щедрина нѣсколько пріятныхъ минутъ.